

A collage of forensic evidence including a bullet casing, a fingerprint, a blood splatter, and a bullet casing.

Румит Кин

Марат

18+

Румит Кин

Марат

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Кин Р.

Марат / Р. Кин — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Марат родился и вырос в трущобах Ямусукро. Каждый его день — жестокая борьба за выживание. Поглощенный ненавистью, он совершает одно преступление за другим. Каким будет его путь и что ждет его в конце?

© Кин Р., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

*У ада нет ни места, ни пределов.
Где мы – там ад;
где ад – там быть нам должно.
Марло. «Фауст»*

Пролог Загадка

Марат шел по траве. Мимо него неровными рядами тянулись каменные плиты. В их тверди кто-то высек изображения и имена людей.

Вокруг было холодно и странно. Солнце на небе, но его свет не греет. Мир яркий, но кажется, будто вещи утратили контрастность.

Звук. Этот звук преследовал его сквозь сон. Негромкий, как шелест или далекое журчание. Он доносился снизу. Изнутри.

Марат посмотрел вниз.

Он увидел, что одет в шорты и большие черные башмаки. Он никогда раньше не носил обувь. Она его удивила, но еще больше его удивило собственное тело, казавшееся чужим и бесконечно длинным. Руки и ноги вытянулись, желтая кожа блестела от пота. А в правой половине его груди была дыра. Звук вырывался из нее каждый раз, когда Марат вдыхал. А когда выдыхал, над раной беззвучно вздувался и лопался жидкий кровяной пузырь.

Кровь была красной – чуждый цвет посреди этого простора зеленой травы и белых камней. Марат остановился и обеими руками оперся на одну из плит, чувствуя смертельную усталость. Поле было бесконечным, тянулось от горизонта и до горизонта. Над ним плыли низкие, пепельно-серые облака.

Кровь из раны пачкала камень. Марат стоял, не в силах сдвинуться с места, а под ним натекало и натекало. Он начал видеть вырезанные в камне лицо, имя – черточки, выбитые неизвестным художником, одна за другой заполнялись алой влагой. Марата охватил ужас. Это было его лицо. Хотя не совсем. И имя тоже было его, но не совсем. Марат Шудри-Буаньи. Шудри – фамилия его матери. Но кто такой Буаньи? Почему под не совсем его лицом это имя?

Лицо-маска в окровавленном камне шевельнуло глазами, и Марат беззвучно закричал. Это была тюрьма. Под этими плитами лежали скованные, вмурованные на вечное сохранение люди.

И он тоже был там.

Глава первая

Нотр-Дам-Де-Ла-Пэ

Марат открыл глаза.

Кричал петух. Ему ответил другой. Светало, было влажно. Стены комнаты выкрашены синей краской. Шелест – это дыхание матери. Кажется, воздух стал для нее песком.

Сколько раз ему снился этот кошмар? Сколько раз он уже слышал этот странный шум?

Столько же, сколько слышу ее хрип, подумал он.

Он сел. У их комнаты большое окно. Большое окно из маленьких стекол, собранных в решетке деревянной рамы. Пяти стекол не хватает, два – с дырками от пуль. Иногда в них заметает дождь, тогда мать закрывает бреши кусками картона. Так было всегда. Марат родился, и так уже было. Никто никогда не приводил в порядок этот дом, эту улицу, этот город.

Марат сонно вытер лицо руками. На коже пот: душно. За окном – огромный сферический купол Нотр-Дам-де-ла-Пэ. Выше него только свинцовое небо, ниже – все трущобы Ямусукро. Где-то за непроницаемой преградой облаков встало солнце, его блеклый отсвет лег металлическим бликом на вершину собора. Туман между хибарами бедняков стал казаться желтым. Тяжелый, он проникает повсюду, росой оседает на ржавых капотах машин, заставляет людей задыхаться.

Марат посмотрел на мать. Она выглядела как лошадь, гниющая на обочине дороги. Ее зовут Камила. Она арабка, ей немногим больше тридцати лет, и у нее СПИД. Большие глаза в углубившихся глазницах, лицо так осунулось, что губы не смыкаются над зубами. Ее одеяло сбилось, открывая голые ноги и выпростанную правую руку – тонкую, высохшую, совершенно оранжевую. Правая сторона ее тела вся оранжевая, одна огромная язва – болезнь не тронула только лицо, но уже поднялась по шее до уха; Анри сказал, что лишай не перекинется на левую сторону, потому что расползается по нервным окончаниям кожи. По краям ссохшихся корок – крошечные капельки крови. Должно быть, ей ужасно больно.

Прошла минута. Она невидящим взглядом смотрела в потолок, потом заметила сына. Марат постарался не встречаться с ней взглядом и снова уставился в окно, на купол собора. Такой огромный. Такой ненужный. Там бог христиан. Ему посвящены большие камни и куски железа. Он смотрит, как у подножия ступеней его дома разлагаются люди.

Бог на небе. Так говорит Анри. Так говорит Роберт. Может, ему снился бог? Может, это он туманом спускался сверху? Может, это он жужжал в дыхании матери, как назойливая муха? Прихлопнуть бы его. Правда, у его матери другой бог. Анри и Роберт верят в Христа. Мать верит в Мухаммеда, но не ходит в мечеть – ее оттуда прогнали. У Намон третий бог – она знает Великого Мастера и его детей, лоа.

Марат чувствовал, что в нем живет ненависть. Он ненавидел собор. Он ненавидел свою мать. Он ненавидел колдунью Намон с ее татуировальной машинкой и духами вуду. Он ненавидел. Он ненавидел. Он ненавидел.

– Марат, позови Анри.

– Хочешь пить?

– Да.

У изголовья матери стояла миска с водой. Марат сел на корточки, поднял ей голову. Ее волосы влажные, под ними тоже язвы. Если бы не его забота, там жили бы насекомые. Он поднес миску. Металлический край посуды тихо стукнулся о ее зубы. Она начала пить. Десны и растрескавшиеся губы сочились кровью, вода в миске стала розовой.

Она напилась. Не хотела больше пить и постаралась отвернуть голову, но не смогла – Марат крепко держал ее. Он думал, что если захочет, заставит ее утонуть в этой миске. Она

попыталась пить дальше, стала давиться, кашлять. Он убрал посудину от ее губ. С минуту она задыхалась. Марат не смотрел на нее. Он думал, что она не понимает. Не понимает, что он жесток специально.

– Позови Анри, – опять попросила она.

«Ты боишься смерти, но белый французский доктор не спасет тебя от нее. Даже если ты отдашь ему все, что у тебя есть. Даже если он сжалится и на две недели положит тебя в больницу, как это было месяц назад».

Марат залез рукой под циновку матери. Там лежала плоская жестяная коробка. Он извлек ее на свет, отошел, чтобы мать не видела, сколько у них денег. Франки и доллары. Несколько бумажек на россыпи монет. Если не покупать лекарства, то этого достаточно, чтобы есть следующие три месяца. Вкусно есть.

Но ее ведь не интересует, что будет через три месяца? Она просто грызется со смертью, вымучивая у нее дни, недели. Она хочет еще подремать, опьяненная наркотиками, еще посмотреть в серое небо над Ямусукро, прежде чем низвергнется в огонь Аллаха. Марат ненавидел ее за это. Разве она заботится о нем? Это он заботится о ней половину своей жизни. Разве она жалеет его? Это он жалеет ее половину своей жизни. Арабская потаскуха. Зачем ты родила меня?

Он оглянулся и посмотрел на нее. Она лежала, сложив руки на груди, прикрыв глаза и тихо впитывая свои последние часы.

– Не хватит денег для Анри.

– Дай мне посмотреть. Я сосчитаю.

– Я умею считать. Ты все пропустила. Я научился считать, пока ты лежала в больнице.

Она попыталась улыбнуться. Жуткий оскал обтянутого желтой кожей черепа. Ее сын научился считать.

– И все-таки я хочу посмотреть.

Она привыкла, что он все делает не сразу. Еще несколько секунд Марат изучал ее ужасное лицо, потом забрал бумажки из коробки и сунул их в трусы. Он знал, что она невнимательна и плохо соображает, но все же надо было действовать наверняка. Если мать пожалуется Роберту, что Марат украл их общие деньги, старик может избить его палкой. Он проверил трусы – ни одна бумажка не торчала – и протянул жестянку матери. Зазвенели монетки. Он наблюдал, как она силится приподняться, вытягивает свою иссохшую шею.

– Куда же они делись? Денег было больше. Куда же они делись?

Она взглянула на Марата. Ее глаза за последний месяц стали огромными, как белые соляные озера в пустыне.

– Позови Намон.

Он закрыл жестянку, вдвинул ее обратно под голову матери.

– Черная колдунья не поможет тебе.

– Уже считаешь мои дни?

Марат молчал.

– Все равно позови.

Марат понял, что хочет пить. Он взглянул на кровавую миску. Нет. Пить ее воду он не будет. Он не собирается умирать как она. Он отошел, натянул штаны. Пусть думает, что он собрался идти к Намон. Он посмотрел на остальную свою одежду. Башмаков у него не было, майка порвалась, и он решил совсем ее не одевать.

Их комната находилась на втором этаже. Вниз вела ветхая деревянная лестница. Там было темно. Вдоль стен висели узкие полки, на них – куча хлама. В сырости между глиняными кувшинами водятся скорпионы. Прошлой зимой Марат убил трех.

Он спустился. У него были широко стопы ноги со светлыми пятками. Он умел ходить тихо.

Дверь. Марат бесшумно открыл ее.

Под ними жил Роберт – одинокий старик с кожей темной как ночь. Марат знал, что сейчас он спит. Роберт владел этим домом. Они платили ему за комнату. У них с ним была общая прихожая на первом этаже. Марат постоял у двери домовладельца, прислушался, потом вышел на улицу.

Пелена тумана висела совсем низко над землей. Сквозь нее можно было увидеть только силуэты вещей: обветшалый забор, пальмы, далекий контур купола собора. Он казался серым пятном на темном свинце затянутого тучами неба. Марат почесал ногу о верхнюю ступеньку крыльца. Приятно.

Идти к Намон? У старухи седые волосы и лицо как взрытая земля. Оспа ослепила ее на один глаз и изменила все черты. Она утверждает, что сам Великий Мастер спас ее от болезни. Она берет всего шесть франков, но Марат не хотел к ней идти. Просто не хотел ее видеть.

Он пересек двор. Холодная влажная земля. Разбежались сонные куры. Они таяли в тумане, сливались с пестрой грязью. У забора стояла бочка с водой – немного ржавой, но вкусной.

Марат наклонился над бочкой и замер.

– Я красив, – сказал он.

Он видел в тихой воде свое отражение. Ему двенадцать. Кожа как темное золото, темнее, чем у матери, но светлее, чем у Роберта и всех, кто живет в этих трущобах. Пропорциональное лицо с мелкими чертами, как это бывает у арабов. Чувственные губы, вьющиеся волосы, непроглядно-черные глаза. Над верхней губой уже пробиваются волоски. Он сам наполнял эту бочку. У него развитые плечи, сильные руки, которыми он привык носить ведра с водой. Хорошая грудь, не такая, как у спидозных – Марат видел, как она поднимается и опускается при дыхании. Он чувствовал свою силу, медленно растущую мощь. Он опустил голову еще ниже и заметил рябь – свое дыхание на воде. Отражение разрушилось. Марат припик к воде и начал пить.

Влага была холодная и горько-сладкая от ржавчины. Сегодня его мать умрет. Может, уже умерла. Он слышал историю, как какие-то бедняки позвали к себе Намон. Она пришла, но человек уже умер. Старуха потребовала денег. Ей отказали. Намон расхохоталась и ушла. Через месяц всю ту семью выкосил тиф. Выжил только младенец.

Марат вытер капли с губ. Вода в бочке успокаивалась, его отражение снова становилось целым. Медленно, чтобы не разрушить картинку, он намочил руки, провел ими по своим коротко стриженным волосам. Они росли у него густо, как у негров.

По улице проехал одинокий мотоцикл. Марат прислушался, пытаясь определить время. Снова петух. Когда такие тучи и солнца не видно, птицы просыпаются в разное время. Еще петух. Этот, наверное, последний. Трущобы медленно оживали. Марат подумал, что если мать не умерла за прошедшие пять минут, стоит задать ей один вопрос. Последний.

Он вернулся в дом. В комнате Роберта по-прежнему стояла мертвая тишина. Марат на цыпочках взошел вверх по лестнице, остановился у входа в комнату. Камила лежала неподвижно, приоткрыв рот. Желтые зубы, красные десны. Глаза закрыты. Он постоял на месте, потом подошел к ней. Умерла. Он почти не сомневался в этом, пока она не открыла глаза.

Марат почувствовал странный интерес. Он видел мертвых, но никогда не видел, как человек уходит. Будет ли в ее глазах отражаться огонь Аллаха? А может быть, он услышит из ее рта вопли грешников, или шепот самого Великого Мастера? По спине побежали мурашки. Вопрос. Надо задать последний вопрос.

– Ты позвал ее?

– Да. Колдунья придет. – Он видел блеск безумной надежды в соляных озерах ее глаз. – Ты предала своего бога.

– Не с тобой я буду говорить об этом.

– Зачем ты меня родила?

Она чуть-чуть повернула голову, уставилась в небо.

– Говори, – сказал Марат.

Она услышала угрозу в его голосе и закрыла глаза. Марат вспомнил, как две недели назад Роберт разрешил им взять курицу. Когда он убивал птицу, та тоже пыталась перестать смотреть на него в последний момент. Он не был ловок, не мог свернуть ей шею так же быстро, как старый негр. Она все поняла, забила крыльями, а потом обмякла. Обмякла и попыталась не смотреть на него.

Марат понял, что улыбается. Ему пришла мысль, что есть способ избежать палки старика. Он поможет Камиле уйти. Он будет видеть ее глаза в момент ухода, а Роберт никогда не узнает, какими были ее последние минуты.

– Смотри на меня.

Женщина открыла глаза. Она еще не понимала.

– Зачем я? – спросил он. – Кто я?

– Мой сын, – еле слышно сказала она.

– Посмотри вокруг. Все меня ненавидят. Я слишком белый для этих трущоб и слишком черный для городских кварталов. Ты даже не дала мне бога, потому что твой бог прогнал тебя. Я сын шлюхи.

– Я скажу Роберту, как ты говоришь с матерью.

Он подумал, что это конец.

– Отвечай, – потребовал он. – Зачем ты меня родила?

– Это произошло случайно.

– Как?

Она молчала. Он взял ее лицо и повернул к себе. Это было совсем легко – она не могла сопротивляться.

– Как?

– Ты никогда этого не узнаешь.

Марат рассмеялся.

– А ты умрешь. Я не позвал Намон.

Зрачки Камилы расширились. Ее глаза стали совсем черными.

– Как ты можешь?

– Ты ничего не скажешь Роберту. И он не побьет меня палкой.

Деньги все еще лежали у него в трусах. Он залез туда рукой и вытащил их. Они рассыпались по полу.

– Я обманул тебя.

Она молчала. Улыбка Марата растаяла. К нему пришло странное сомнение. Вдруг он делает что-то... он не мог это объяснить. Что-то не то. Он посмотрел на собор. Там бог его снов. Будет ли кара?

– Ну? – подстегнул он ее.

– Он порвал презерватив. Такое отродье, как ты, могло родиться только через дырку в резинке.

Марат провел пальцами по ее лбу. Она смотрела на него прямо. Может, она уже поняла, что он сейчас делает. Раздавить. Как скорпиона.

– Значит, я случайность, которая уничтожила твою жизнь.

Она молчала.

– Тебя называют арабской шлюхой. – Марат положил правую руку ей на рот, а пальцами левой зажал нос. Наклонился, чтобы видеть ее глаза. Она стала дергаться. Он почувствовал под рукой ее зубы, побоялся, что она укусит, и придавил ей шею коленом.

Она сдалась, но не так, как та курица. Просто ушла куда-то. Ушла из своих глаз и из своего тела. Марат с разочарованием подумал, что ничего не произошло. Он не видел ада – только туман. Ее больше не было там, где был он. Он больше не мог поить ее водой и заставлять захлебываться. Тогда он отпустил ее и посмотрел на собор. Нотр-Дам-де-ла-Пэ молчал. Марат прислушался. Еще тихо. Но скоро Роберт проснется. После этого старик может в любой момент подняться в их комнату, чтобы проведать Камилу. Когда это случится, его самого уже не должно быть дома. Пусть Роберт думает, что женщина отошла после того, как ее сын ушел в школу.

Он собрал деньги, разбросанные по полу, выдвинул коробку из-под головы матери и вернул туда несколько купюр: Роберт мог знать или догадываться, где мать хранит деньги. Не нужно, чтобы у старика сложилось впечатление, будто он ограбил мертвую.

Теперь майка. Идти в школу без майки неприлично. Марат еще раз осмотрел разорванный подол. Это можно зашить. Если учитель заметит, что стежок кривой, Марат всегда может сослаться на болезнь матери.

У двери комнаты стоял простой деревянный сундук. Коричневые разводы по грубой крышке, замок на двух скобах. Марат секунду смотрел на него, потом вернулся к телу. Приподняв одеяло, он увидел обострившийся узор ее ребер. Одна иссохшая грудь – желтая, другая оранжево-красная. Между ними ключик на сыромятном ремешке. Марат снял его, открыл сундук. Здесь было все ее богатство. Несколько пакетов с мукой и семенами. Тряпки, в том числе женский деловой костюм, который, как думал Марат, она не одевала вообще никогда. Ее кукла вуду, сделанная Намон. Пустая банка от капельницы, оставшаяся после очередного прихода Анри. Штатива не было, и Марату тогда пришлось десять минут держать банку над матерью. Еще куча всякой всячины.

Он нашел иголку и нитку. Внизу закрипел пол: Роберт проснулся. Цвет нитки был неподходящий, но Марат не обратил на это внимания. Он натянул порванную майку, замотав нитку вокруг иголки, а иголку вколов в плотную ткань у ворота, чтобы не потерять. Закрыв сундук. Замок. Дужка. Быстро он вернул ключ на шею матери, натянул одеяло на грудь, положил оранжевую руку так, как она обычно держала ее, когда спала. Прикрыть ей глаза? Нет, не нужно. Стремительно проверил содержимое рюкзака. Карандаш. Французские прописи. Библия с оторванной обложкой. Самодельная линейка с написанными маркером цифрами. Рюкзак был почти пуст, как и всегда. Марат положил в целлофановый пакет две еще пригодные лепешки из слоеного теста и бросил их на библию. Можно идти.

Он остановился в центре комнаты. Камилла была неподвижна. Распахнутые глаза и мучительно приоткрытый рот с выступающими рядами зубов. Рука на одеяле. Бляшки саркомы Капоши на ногах, торчащих из-под одеяла.

Марат поднял глаза на Нотр-Дам-де-ла-Пэ. Ничего? Ты даже не натравишь на меня Роберта? Внизу снова закрипели доски, потом раздался грохот. Марат вздрогнул. Он знал этот звук – почти каждый день старик спросонок ронял свою клюку, ту самую, которой бил Марата.

Пора. Он спустился вниз, слыша, как Роберт ходит по своей комнате.

– Отче наш, где эта долбаная миска?

Марат проскользнул мимо его двери. На улице уже светлее: тумана стало меньше. По двору бродили разрозненные куры, одна – с цыплятами. Марат пошел в сторону от дома. Он

прыгнул, подтянулся, почти перемахнул забор, но порванный подол майки зацепился за шепку. Марат завис, вздохнул и, рискуя жестоко навернуться, освободил правую руку. Теперь он висел на одной левой. Она дрожала, но была сильной. Он отцепил ткань, снова подтянулся и мягко спрыгнул на соседский двор. Еще тихо, все спят. И тумана здесь больше.

Из конуры вышла собака, заворчала.

– Ш-ш. Ш-ш, – сказал ей Марат. Она смотрела на него налитыми кровью глазами. Цепи нет. Марат секунду колебался, а потом побежал. Ему повезло – калитка была открыта. Он проскочил на улицу. Оскаленная морда ткнулась в изгородь за его спиной. Марат поднял с земли прут и сквозь щели в плетне ткнул им псину в морду. Он целил в глаз, но попал в нос, оцарапав до крови. Собака отскочила и хрипло залаяла.

Марат оглянулся. Тихо, туманно, дорога широкая и пустая. За пеленой тянутся ряды т-образных столбов и кокосовых пальм. Далеко впереди идут женщины в исламских платках и национальных платьях. Наверное, аканки. Мимо проехал грузовик. В школу еще рано. У него как раз осталась пауза для того, чтобы заштопать майку. Он пошел вдоль по улице.

Черета пальм с другой стороны дороги закончилась, теперь по правую руку от Марата была медленно оживавшая Плаца. Хибары торгашей, передвижные фургончики, мотоциклы с корзинами спереди и сзади, брызги от раздавленных фруктов на асфальте. И над всем этим величавая, далекая голова собора.

Мимо проехал бронетранспортер. Марат смотрел, как по восьми его колесам разбегаются повторяющиеся круги узора. Машина притормозила, пуская в туман темные струи угарного газа. Шестеро солдат сверху рассматривали толпу. Ничего не заметили, и броневик, снова набрав ход, исчез в мареве.

Марат устал босиком по асфальту и повернул на проселочную тропинку. Здесь текла речка Дьюмба, шириной в семь метров – лианы, нависающие над водой, женщины с бельем на мостках. Марат проходил речку только когда шел к школе, воду для дома набирал в колонке.

Женщины стирали белье. Марат попытался пройти вдоль реки, но его остановили.

– Что? – спросил Марат.

– Крокодил, – объяснила женщина. Ее лицо было закрыто, Марат видел только черные глаза и черточку переносицы. Негритянка. Руки мокрые, кожа молодая.

– Снова?

Крокодилы редко доплывали до Дьюмбы. Им не нравились люди, шум, дорога, грязная вода. Хищники, добравшиеся сюда, обычно становились людоедами. В их брюхе можно было найти серебряные кольца, монетки, куски синтетической ткани. Иногда от одного человека, иногда от многих.

– Да. Его будут убивать сегодня днем. – Она еще секунду смотрела на него. Он почувствовал что-то в ее взгляде. Что-то похожее на страх. И еще притяжение. Сердце забилося чуть чаще.

– Иди своей дорогой, – сказала ему желтокожая старуха без чадры. Девушка снова начала катать ткань по доскам. Марат послушался и не пошел вдоль реки. Вместо этого он повернул, вышел на горбатый деревянный мост, достаточно широкий, чтобы разминулись три человека, и там остановился. Крокодил не опасен, пока твои ноги не стоят в мокрой глине у берега. Сев на деревянные жерди, он перетянул разрыв на майке к себе на живот, достал иголку и начал штопать. Далекий рокот моторов все нарастал. Скоро Плаца будет полна людей, и женщин у воды станет в два раза больше.

Последнего крокодила убили из автомата солдаты. Марат прибежал, но тело уже унесли. Ему сказали, что голова была вся разворочена. Хищник успел схватить человека за ногу, и тот стрелял в него в упор, пока не потратил весь магазин.

Поединок. Марат хотел чего-то такого. Это была настоящая жизнь. Он хотел иметь оружие и право на убийство. Черные стежки ложились на майку цвета хаки. Он прошел в одну

сторону, потом в другую – прочность не бывает лишней. Когда кончилась нитка, заткнул иголку обратно в ворот.

Интересно, Роберт уже нашел ее?

Марат прыгнул с жердей. Доски моста глухо откликнулись на удар. Что-то плеснулось в воде. Он посмотрел вниз. Если это крокодил, можно присмотреться и увидеть его глаза над поверхностью. Но на это нужно время и опыт. А если опыта нет, времени понадобится очень много. Крокодилы тупые, но ловкие: они прячутся в тине, за ветками и грязью, почти не шевелятся, сидят на месте или даже позволяют течению медленно нести себя. Намон сказала однажды, что крокодилы – это злые лоа. Она любит злых лоа. Они позволяют ей кормить их, а она может заставить их убивать для себя.

Марат еще раз пробежал глазами по прибрежной траве, ничего не увидел и пошел к школе.

Школа – большое одноэтажное здание. Пологая двускатная крыша со шерботой черепицей. Серые стены, широкие окна. Огромная веранда, которая в хорошую погоду используется как класс. Песчаный двор с футбольными воротами из живых пальм и тремя рядами бревенчатых лавок.

Марат вошел во двор и огляделся. На лавках мальчишки. Собрались почти все, но занятия не начинаются: учителя еще пьют чай в глубине веранды.

У Марата не было друзей. Все в этой школе были протестантами, все были черными, как беззвездная ночь, все знали своих отцов.

Камила нашла эту школу четыре года назад. Она хотела, чтобы ее сын научился читать, писать и считать, но денег на это у нее не было. В трущобах Ямусукро всего несколько бесплатных школ: одна католическая, три исламских. Мальчика без веры туда не принимали.

Марат сел особняком. Сквозь жидкие кроны пальм он видел вершину Нотр-Дам-де-ла-Пэ, вечного молчаливого свидетеля. Туман истаял, и теперь купол казался голубым на фоне серого неба. Он опустил голову.

Во двор вошли трое мальчишек – все из класса Марата. Клавинго, Крис и Поль. Крис родился в протестантской семье, а Клавинго вслед за отцом крестился несколько лет назад и сохранил имя на родном языке. Поль немного отличался от друзей. Он был марабу. Это делало его кожу чуть более светлой, чем у товарищей.

Они прошли мимо Марата. Потом Крис оглянулся: что-то зацепило его взгляд. Он сделал шаг назад. Марат, еще не понимая, в чем дело, но уже озлобленный, поднял на него глаза.

– Смотри, – сказал Крис, – его мать зашила майку неподходящей ниткой.

Клавинго улыбнулся. Марат сместил руку так, чтобы неровные стежки оказались в глубокой тени, но было поздно.

– Цветные нитки, – сказал Клавинго. – Цветному цветная одежда.

Он сам был в аккуратненькой рубашке, белой в коричневую клетку, которая отлично смотрелась с его угольной кожей.

– У тебя тоже цветная одежда, – сказал Марат.

– Не сравнивай меня с собой, оборванец. Моя рубашка клетчатая, а не латаная.

Марат смотрел в его круглое черное лицо. Клавинго был полон спокойного презрения. Тогда он наклонился, зачерпнул под лавкой мягкую глину и, встав, с размаху двумя руками ударил Клавинго в грудь.

– Черному черная рубашка, – сказал он.

Его противники так удивились, что мгновение ничего не происходило. По рубашке потекла жидкая грязь – два огромных темных пятна. Марат почти успел вытереть руки о грудь обидчика.

– Клав, это была твоя лучшая рубашка, – сказал Поль.

Клавиного опустил голову, посмотрел на свою одежду и слегка посерел. На мгновение даже Марат потерял для него значение.

– Это отстирается?

– Может быть, – неуверенно ответил Крис.

– Если я вернусь домой в таком виде, отец меня накажет.

Теперь кровь отлила даже от лица Поля.

– Ну, ведь можно же что-то сделать, – сказал он.

Мысль Клавиного снова сфокусировалась на Марате.

– Ты купишь мне новую.

– И еще щеточку для ботинок, – предложил Марат.

В отличие от него, Клавиного носил обувь. Это были дешевые кроссовки, но Марат, всю жизнь проходивший босым, не видел особой разницы между ними и элегантной обувью буржуев. Щеточка для ботинок была абсолютной роскошью, вещью почти мифической. Марат рассмеялся собственной шутке. Он попытался вытереть оставшуюся грязь о плечо Клавиного, но тот поймал его за руку. Марат уже чувствовал легкие уколы страха – сигнал, предупреждающий, что сейчас последует боль. Их трое, они разъярены. Его почти наверняка побьют – либо прямо сейчас, либо немного позже.

– Ты понимаешь, что сделал? – спросил Поль.

Марат пожал плечами.

– Черному черная рубашка, – повторил он.

– Отстаньте от него, – сказал Алан. – Нельзя травить человека из-за того, что он бедный и с другим цветом кожи.

Алан был маленького роста. Он сидел на лавке довольно близко от разыгравшейся ссоры.

– Заткнись, слабосильный очкарик, – ответил ему Клавиного.

– Не встревай, Алан, – посоветовал Поль. – Он не только цветной. Еще он просто гаденыш.

Алан встал и ушел в другой конец двора. Марат попытался вырвать руку из хватки Клавиного. Тот качнулся, но не отпустил. Крис коротко обернулся на веранду. Учителя еще ничего не заметили.

– Оттащим его, – скомандовал он.

Марат сопротивлялся. Он успел головой разбить нос Клавиного, попытался достать свободной рукой Криса. Он чувствовал волну кровавой ярости. Выцарапать им глаза. Была секунда, когда ему казалось, что сейчас он победит: вырвется, переломит ситуацию, избьет их.

Не удалось. Клавиного быстро оправился от удара в лицо. Поль ударил Марата в промежность, а потом схватил его за ногу. Клавиного дал под дых. Крис поймал свободную руку Марата и заломил ее. Втроем они оторвали его от земли. Марат мог закричать – так все быстро прекратилось бы – но он только шипел.

Его оттащили за угол школы. По дороге он успел высвободить руку, вцепился в широкие шорты Криса и спустил их до земли. Если бы это случилось на лавках, было бы здорово, но это произошло, когда они были уже за углом школы. Крис чуть не упал, но его друзья не стали смеяться – слишком захвачены были предвкушением расправы.

Клавиного прижал Марата к земле. Марат укусил его за руку. Клавиного ответил, мощно опустив Марату локоть на лицо. Нос лопнул как спелое манго. Теперь они оба были в крови. Минуту назад Клавиного еще мог отстирать рубашку, но теперь упустил этот шанс.

Поль поймал дрыгающиеся ноги Марата. Крис натянул штаны, догнал их и ударил обидчика ногой в пах. Марат понял, что боли больше нет. Туман Ямусукро стал красным. Он отбивался руками и ногами, вырывался, хрипел. Он смог разбить лицо Полю, чуть не выцарапал Клавинго глаз.

– Звереныш, – прохрипел Крис, когда обломанный ноготь Марата остался в изодранных волосах у него на голове.

Раздался первый звонок. Драка кончилась. Клавинго встал на ноги. Марат измождено привалился к стене. Четверо мальчишек смотрели друг на друга. У Поля дрожали руки. Клавинго выглядел жутко. Крис почти не испачкался, но лицо у него было в царапинах.

– Он получил свое, – сказал Поль.

Марат моргнул. Его дыхание постепенно становилось ровным. Он вытер кровь с губ, размазал грязь по лицу.

– Я найду вас по одному, – поклялся он, – и буду уничтожать.

– Он сумасшедший, – чуть испуганно сказал Крис.

– Сын арабской шлюхи, – сказал Поль.

«Странно, – подумал Марат, – я убил ее, но меня все равно так называют».

Крис взьерошил и разгладил волосы на голове, промокнул тыльной стороной ладони одну из кровоточащих царапин на лбу.

– Я на урок. А вы?

Клавинго неожиданно заплакал.

– Отец будет бить меня прыгалками.

– Пойдем, – позвал Поль. – Ты же не хочешь, чтобы это отродье смотрело на твои слезы.

Они двинулись вслед за Крисом, потом Поль оглянулся.

– Эй, звереныш, у тебя есть хоть какие-то деньги?

– Коплю на нож для твоего горла. – Марат встал на колени, потом, опираясь о стену, поднялся на ноги. Поль не выдержал его взгляда и отвернулся. Крис исчез за углом. Клавинго и Поль вышли со двора следом.

Марат расправил плечи, покрутил головой. Хруст в шее. Он сжал кулаки, разжал. Сжал. Разжал. Отряхнулся как собака. При каждом движении боль; напрягая мышцы, он чувствовал, как набухают синяки. Он понял, что ему это нравится. Он как будто стал тяжелее.

Он дошел до лавки. Рюкзак лежал там, где он его бросил. На веранде началось занятие. Учитель стоял спиной, но ребята видели Марата. Где-то там Крис, смотрит на него. Марат улыбнулся и показал им всем палец.

Он расстегнул рюкзак, вырвал страницу из библии и вытер ей лицо. Скомкал, бросил в грязь у основания лавки. Он победил. Его боятся, а не он. Ему-то что? Ему терять нечего. Достав одну из лепешек, он демонстративно откусил кусочек, закинул рюкзак за спину и пошел со двора. Тесто было соленое, разбитые губы щипало, но он продолжал есть, посасывая свою кровь, чувствуя, как зубы впиваются в тугое тесто.

Голубой купол собора маячил за деревьями. Нотр-Дам-де-ла-Пэ был на своем месте, как и всегда. Он смотрел на разбитое лицо Марата и молчал. А Марат смотрел на него и ел лепешку. Ему казалось, что он почти переспорил бога. Солнце так и не вышло из-за туч, но все равно становилось жарко. Роса, выпавшая утром, начала испаряться, над землей стоял тяжелый густой пар. День пройдет, наступит ночь, и вся эта влага снова превратится в туман, чтобы опасть на землю. Только сейчас она была другой – рассеянной, дрожащей в горячем воздухе.

Нашел ли уже Роберт тело матери? Нашел, точно нашел. Но надо еще повременить. Прийти туда, когда все уляжется. Конечно, старик может послать кого-нибудь за ним в школу, но это маловероятно. Скорее, он просто дождетя, когда Марат сам придет домой.

Где-то грохнул одинокий выстрел. Дробовик? Марат перестал есть, вскинул голову. Заговорили автоматы. Сухие и гулкие у них голоса. И воздух будто рвется.

– Блиско, – вслух подумал Марат.
Речка Дьюмба. Охота на крокодила.
Он побежал.

Шершавый асфальт жег ноги. Марат пронесся вдоль улицы. Когда он соскочил в траву, грохот кончился. Добили. Но он все равно не останавливался. Растения хлестали по рукам. Он выскочил на тропинку и побежал быстрее. Боль билась в теле, особенно в паху. Марат улыбался. Он понимал, что силен. Почти любой на его месте сейчас еще лежал бы на земле, утирая кровавые сопли, а он уже мог бежать. Он мог бы даже драться снова.

Он обогнул заборы, выходящие к реке. Навстречу ему попала аканка в традиционной разноцветной юбке, за которую цеплялись два малыша. Третьего, плачущего, она держала на руках и пыталась успокоить.

– Тихо, тихо, тихо. Крокодил не съест тебя, не съест. Он уже мертвый.

Мальш увидел лицо Марата и уткнулся в складки материнского платка. Женщина зыркнула, но ничего не сказала. Они разминулись. Марат бежал дальше, сжимая в руках недоеденную лепешку. Он увидел еще людей. Трое охотников из гражданских, разочарованные стрельбой, торопились к месту происшествия. У всех автоматические винтовки. Черная сталь в черных руках, босые ноги, светлые рубашки. Марат обогнал их. Он снова увидел мостик, на котором утром штопал свою майку. Люди – охотники и любопытные. Всего собралось человек тридцать. Они стояли на мосту, на досках для стирки и по оба берега ручья. Дула винтовок смотрели в свинцовое небо Ямусукро. Полоскались цветастые юбки аканок и гере. Маленькие дети боязливо таращились на убитого зверя.

Сначала Марат увидел кровь, а уже потом самого крокодила. Багровый поток смешался с зеленоватой водой реки, с отраженным металлом неба. Люди молчали. Крокодил лежал на глиняной отмели между двух настилов для стирки белья. Его еще не начали вытаскивать на берег. Огромное тело наполовину в воде, шесть метров мышц в роговой броне. Марат подумал, что зверь, наверное, весит тонну. Туша почти перекрывала ручей в ширину. Было непонятно, как вообще этот монстр умудрялся прятаться в маленькой речке. И зачем он заплыл сюда?

Мостки были сильно пробиты пулями – дыры в расщепленных досках, кровавые воронки на ребристой спине животного. Марат захотел подойти поближе. Он зашел на мост, нашел свободное место у жердей, остановился. Он увидел огромную морду и приоткрытую пасть. Часть головы крокодила была разрушена, осколки кости торчали наружу. Один уцелевший глаз смотрел на Марата. Он был мертвый, но не такой, как у курицы, и не такой, как у матери. Марат загипнотизировано опустился на корточки. Он видел зеленое мерцание глаза и хищный узкий зрачок. Казалось, крокодил что-то знал и посмеялся над своими убийцами, прежде чем погибнуть. Может, он знал, сколько уже съел людей. А может, и что-то большее. Он был злым лоя и мог знать о Великом Мастере больше, чем сама Намон.

Марат доел лепешку. Он чувствовал, как исчезает вкус крови. Его нос больше не тек, даже ранки на губах затягивались, несмотря на соль. Хорошо. Будет еще много дней. Он найдет своих обидчиков и сделает то, о чем говорил. Он искупает в крови чистюлю Криса. А Поля он будет бить в пах, пока тот не потеряет сознание. К Клавинго он придет в последнюю очередь, после того, как ублюдок оправится от побоев отца. Марат ухмыльнулся.

На берегу рядом с тушей стояли несколько солдат в полукруглых защитных касках с кустиками маскировки. Французские винтовки, надменные лица. Один из солдат вяло снял магазин с винтовки, заглянул в него, бросил в карман. Потом заметил Марата.

– Эй, мальчик-то весь в крови.

Другой обернулся, тоже уставился на Марата.

- С тобой все в порядке?
- Школьная драка, – ответил Марат.
- Твой отец должен отучить тебя от этого дерьма.
- А по мне, так это нормально для мальчишки.

Солдаты потеряли к нему интерес. Тот, который перезаряжал автомат, нашел полный магазин, защелкнул его в пазухи ствольной коробки, опустил предохранитель. Марат чувствовал, что от оружия убийцы исходит жар. Притягательное тепло настоящей смерти. Он подумал, что все-таки надо умыться. Он отошел на десять метров вверх по течению, наклонился над рекой, плеснул водой в лицо. Она была теплая, нечистая, отдающая тлением. Он снял рюкзак и майку, бросил их на кустарник у берега. Лиловые следы побоев на коже немного походили на саркому Капоши на ногах его матери. Противно. Он намочил волосы, протер шею, даже прополоскал рот. Сплюнул, вымыл руки. Он видел, как его кровь смешивается с водой, уносится по течению, исчезает в клубящемся багровом потоке, текущем от тела зверя. Много крови в этой реке. Он присмотрелся к своему отражению. Нормально. Люди уже не будут в тревоге обращаться на него.

На другом берегу реки росли пальмы. В просвете между их кронами был Нотр-Дам-де-ла-Пэ. Теперь было видно детали. Круглые бляшки окон в огромном куполе и маленький шпиль наверху.

– Ты видел, как убивали крокодила? – спросил Марат.

Собор, как всегда, молчал.

– Сколько смертей ты видел сегодня?

Тихое журчание воды. Голоса людей на мосту.

Марат осмотрел свою майку. Теперь она выглядела просто грязной, пригодной для того, чтобы ходить по его кварталу. Он одел ее, почувствовал, что что-то колет, вспомнил про иголку в воротнике. Ему стало обидно, что он не вспомнил про нее, когда она была так нужна. Ведь можно было воткнуть ее в шею кому-нибудь из этих уродов. Хотя нет. Тогда его обвинили бы в убийстве. Он нащупал иголку, вытянул ее. Она блестела. Маленькая стальная вещица его матери. Ему захотелось выкинуть ее в реку, но он остановил себя. Она может ему пригодиться. У него мало денег, и в следующие месяцы одежду придется не покупать, а штопать.

Он воткнул иголку обратно, подумал, что пора, поднялся и неторопливо пошел в сторону дома. Марат знал, что Роберт не умеет считать время. Можно сказать старику, что прошло два урока. Он чувствовал странную апатию. Сейчас он снова увидит труп своей матери – ее погасшие глаза, выпирающие зубы, оранжевую руку. А потом он будет засыпать, лежа на своей циновке. Купол собора будет светиться в темноте. А ее хриплого дыхания больше не будет. Он будет один.

Почему-то он не чувствовал радости. Ее белье сожгут. Ее посуду вымоют виски. Намон придет через несколько дней и заплатит ему, чтобы он отдал ей куклу усопшей. Он попросит шесть франков. Она согласится. Марат все это знал. Роберт позовет женщин одеть ее. Может, уже позвал. Где ее похоронят, Марат не знал. У Камилы не было ни одного родственника, которого она хотела бы помнить – ни в Ямусукро, ни где-либо еще. Марат мало знал о кладбищах, но догадывался, что похоронить ее на мусульманском кладбище не удастся.

Он вошел на свою улицу. Калитка дома Роберта открыта. Калитка соседей, через которую он убегал утром, тоже открыта. В просвете между двумя крышами видно купол Нотр-Дам-де-ла-Пэ. Марат приостановился – ему показалось, что сейчас, наконец, должно что-то произойти. Быть может, луч солнца упадет на эту вершину, или в нее ударит молния. Но свинцовое небо не менялось. Собор молчал.

Марат пошел дальше. Плача не слышно. На дворе у соседей пусто. Он вошел во двор Роберта. Старик сидел у крыльца на белом пластиковом стуле. Он поставил клюку между ног, сложил на ней руки и устало преклонил на них голову. Его всклокоченная белая борода тор-

чала во все стороны. Марат видел, что Роберт пьян чуть больше обычного и слегка растроган. Значит, его расчеты оправдались. Уже.

На крыльце появилась женщина в желтой юбке, но без платка. Марат ее не знал. Он решил, что она необращенная гере.

– Сейчас понесут, – сказала она старику, потому увидела мальчика и замерла в нерешительности. Роберт открыл глаза и тоже увидел Марата. Он встал. Марат сделал шаг назад. Обычно старик так решительно приветствовал его, только если собирался бить. На мгновение Марату пришла в голову дикая мысль, что он ошибся. Камила обманула его, притворилась мертвой, и сейчас будет страшная расправа.

В дверях появилась вторая женщина. Она держала ноги, завернутые в саван. Марат успокоился. Роберт, неуклюже опираясь на клюку, подошел к Марату. Он был спиной к дому и еще не увидел, что тело выносят.

– Что с тобой? – спросил он.

– Подрался, – ответил Марат. Он подумал, что обстоятельства избавят его от продолжительных нотаций. Так и вышло.

– Твоя мама умерла.

Марат смотрел мимо него на осторожных женщин, которые сносили тело вниз. Роберт оглянулся, тоже увидел их.

– Не плачь, мальчик, не плачь.

Марат и не думал плакать. Старый негр положил руку ему на плечо. Марат испугался, что домовладелец наткнется на иголку у него в воротнике, и положил свою руку на его. Роберт улыбнулся. Он воспринял это как жест человеческой теплоты.

– Это должно было случиться, – сказал он. – Она давно болела.

– Я смогу остаться жить в комнате наверху?

– Да, конечно. Первое время я с тебя даже денег не возьму.

Марат стряхнул с ресниц несуществующую слезу. Он был рад, что ее уже завернули, и что ему не придется снова видеть ее лицо.

Глава вторая

Гранатовые косточки

Заднее сиденье большого желтого джипа было мягким и просторным. Пахло пластиком и духами. Марат хотел бы, чтобы ему принадлежала такая машина. Но машина принадлежала не ему, а крупному краснолицему человеку со светло-кариими глазами. Богатый белый носил рубашку в серо-голубую клетку. У него были неуклюжие волосатые руки, живот переваливался через пояс брюк.

– Ты Марат?

– Да.

– Меня зовут Ульрих Юль Амане.

Марат молчал. Он слышал приглушенный свист кондиционера и чувствовал, как его кожа твердеет и покрывается мурашками. В кабинете доктора Анри тоже есть кондиционер. Белые любят существовать в этом изнеженном прохладой воздухе.

– Ты не мог бы закрыть дверь?

За дверью автомобиля был тротуар. Плавающий от жары асфальт. В воздухе висела пыль. Шли люди.

Марат был как скрученная пружина. Он сидел, широко расставив босые ноги. Левую руку он положил на бархатную обивку сидения, правую держал над карманом. Сквозь тонкую ткань он чувствовал квадратный блок сложенного ножа-бабочки.

Это был хороший нож. Марат купил его на половину денег матери, когда понял, что его вражда с Клавинго превращается в затяжную войну. Они нападали друг на друга как два разъяренных волчонка. Один, потом другой. Каждый раз побеждал тот, кто устраивал засаду. Так было, пока у Марата не появился нож.

Но теперь Марат боялся. Он снова не спал, как не спал после убийства матери. Он знал, что Крис и Поль догадываются. Он ждал, что догадается отец Клавинго. Он думал, что Роберт видел, как он отстирывает кровь с одежды. Он встретил ведьму Намон на улице, и та подмигнула ему, как будто они были тайными любовниками. В каждом человеческом взгляде, в каждом ночном шорохе Марат предчувствовал месть. Сейчас он не решался закрыть дверь желтого джипа, потому что не знал, как будет ее открывать, если трое мужчин окажутся друзьями отца Клавинго.

– Сэр, – вежливо встрял Фахид. Он сидел на переднем сидении, справа от водителя. Марат видел только его бронзовую шею и плотно скрученную белую чалму. Мусульманин нашел Марата и заплатил ему три доллара за каждую улицу, по которой они шли, и еще десять долларов за то, чтобы подросток сел в желтый джип. Марат пошел с Фахидом только из-за денег. Они были слишком большими, чтобы он отказался. Скрученные бумажки теперь лежали в его левом кармане.

– Что?

– Сэр, он боится оказаться в ловушке.

Белый рассмеялся.

– Разве так воруют людей?

Марат не ответил. У Ульриха были толстые щеки. Если разрезать их ножом, его лицо превратится в кричащий кусок мяса, и на нем больше не будет глупой белой улыбки.

– Что тебе от меня нужно? – спросил он.

– Я юрист. Работаю на Алассана Буаньи.

Марат молчал. Он не помнил этого имени.

– Буаньи долго был председателем Национального Комитета Спасения. Теперь он один из двадцати самых богатых жителей Абиджана и личный друг Феликса Геи.

Геи – президент Кот Д'Ивуара. Роберт рассказывал, что семь лет назад, когда Марат был совсем маленьким мальчиком, в Ямусукро приезжал Папа Римский. Старик утверждал, что пробился в первый ряд у ограждения и видел, как президент и понтифик стояли на ступенях собора.

– Феликс склонился и поцеловал руку Бенедикта, – обычно говорил Роберт, – и Папа поднял его за плечи. Я видел все это сам.

На этой сцене Роберт начинал плакать. Затем сквозь слезы сообщались подробности о красной мантии и черном костюме. Домовладелец рассказывал историю о понтифике, только когда был совершенно пьян. Марат ему верил.

– А я друг Римского Папы, – заявил он. – Того, который построил Нотр-Дам-де-ла-Пэ.

Белый считает его дураком, но теперь сам выглядит глупее.

– Буаньи – твой отец, – сказал Ульрих.

Марат смотрел в глаза светлогожего мужчины.

– Мне повторить? – спросил Ульрих.

Марат вспомнил свою первую ночь после смерти матери. Роберт предложил ему спать на первом этаже, но он отказался. Он лежал на циновке у своей стены и смотрел на ее пустое место под окном. Тихо. Нет больше хриплого шума ее дыхания. Она больше не бормочет и не стонет, не просит воды. Голый пол. Приглашенные женщины сожгли даже циновку, на которой спала Камила. Марат полежал, потом сел спиной к стене. Он убил ее. Иногда он начинал хохотать, глядя на ее пустое место. Он не мог остановиться. Он понимал, что старик слышит его смех, но все равно смеялся.

Глубокой ночью взошла луна. В ее свете трещинки в пробитых пулями стеклах казались похожими на паутину. Марат ложился, садился, вставал, ходил по комнате. Он так и не смог уснуть той ночью. Ему больше не мешало ее дыхание, но он не мог спать.

– Фахид, где ты его нашел? – спросил Ульрих.

– В квартале Нгокро, сэр. В доме, где раньше жила его мать.

– А на каких основаниях он там живет?

– Дом принадлежит Роберту Тиалуно. Он присматривает за Маратом.

– Он оформил опекунство?

– Мальчик платит ему за комнату.

– Значит, не оформлял. Я просил, чтобы он принес свидетельство о рождении.

– Оно было у Роберта, сэр. – Мусульманин передал через плечо засаленную, сложенную вчетверо бумажку. Ульрих брезгливо забрал ее из пальцев слуги. Несколько мгновений он смотрел в листок, потом повернулся к Марату.

– Может, все-таки закрой дверь?

Марат думал о том, что он болезнь. Он рок, он вирус, он уничтожил ее жизнь. Он втянул ее в мир нищеты и СПИДа. Он украл ее последний вздох. Он не хотел знать о том, что у него есть начало. Ему нравилось чувствовать, что он просто случился со своей матерью, как случается пожар или эпидемия. Такое отродье, как он, могло родиться только через дырку в резинке. Марат сжал руку над карманом с ножом в кулак, потом разжал. Он чувствовал, как каменеет каждая его мышца. У него нет отца. Его отец – черный солдат, которого удовлетворяла шлюха. Они шутят. Он может убить их за это. Шея Фахида. Живот белого. Потом водитель либо резко тронет машину вперед, либо выпрыгнет из нее, испугавшись стального жала в руках Марата.

А что потом? Они на улице в центре города, и вокруг полно людей. Если Марат вылезет из машины, забрызганный кровью, он не добегит даже до следующего поворота.

– Ты врешь, – сказал он. – Я никто. У меня даже нет фамилии. Откуда ты вообще про меня знаешь?

Он говорил, выплевывая слова и резко дергая головой.

– Ко мне приходила твоя мать, – ответил белый.

– Тогда скажи, как ее звали.

– Камила Шудри, – не задумываясь, ответил Ульрих.

Его мать. Она пыталась что-то для него сделать. Она искала его отца. «Кстати, – прошептал голос Намон у Марата в голове, – ее кукла вуду рассказала мне о том, как ты ее убивал». «Заткнись», – беззвучно крикнул Марат голосу. Старуха захохотала.

Подросток посмотрел на белого.

– Твой Фахид мог узнать это у Роберта.

«А мог у учителя школы, когда тот шел за закрытым гробом черного мальчика, – сообщила Намон. Она явно не собиралась молчать. – Помнишь, как они все жалели его? Тебя так не пожалеют. Если они докажут, что это ты убил его, тебя заруют как дохлую собаку, твои руки с отрубленными пальцами будут торчать из земли, и муравьи придут, чтобы ими питаться».

Ульрих видел, что Марат побледнел.

– Зачем мне это? – спросил он.

Марат тяжело дышал.

– Когда? – спросил он.

– Год назад.

– Она еле двигалась.

Ульрих пожал плечами.

– Она две недели пробыла в Абиджане. И добилась встречи.

– Когда точно?

– Февраль.

Доктор Анри. Больница. Белый не врал. Все сходилось. Марат думал, что те две недели она была в больнице. Он думал, что она тратит деньги на себя.

– Почему я должен этому верить? – спросил он.

Белый пришел в раздражение.

– Хотя бы потому, что я с тобой говорю. Или ты думаешь, что найдутся недоумки, которые станут разыгрывать такой спектакль, чтобы сделать тебе что-то плохое?

Марат молчал. Он знал, что Ульрих прав. Месть была бы другой. Каждый вечер он раскрывал нож и клал его под подушку, острием к стене. Каждое утро, выходя в туман, он думал о том, что сейчас его оглушат ударом по голове и увезут, чтобы истязать.

– Таких, как ты, каждый день убивают на улицах. Я могу проехать по городу и наловить целый зоопарк бедных черных детишек. Их родители мне еще приплатят, чтобы я только забрал их спиногрызов. А ты сидишь и не веришь, что тебе предлагают билет в рай?

Марат испытал страшную вспышку ярости. Порвавшийся презерватив. Разъяренные арабы с камнями. Женщина, задушенная в комнате с видом на Нотр-Дам-де-ла-Пэ. Он разжал кулак, потом снова сжал. Нож под рукой. Белый убудок думает, что теперь для него может быть рай? Он врет. Он не сидел на берегу и не смотрел в глаза крокодила, как это делал Марат. Он не знал, что такое планировать засаду. Он не видел, как внутренности вываливаются из вспоротого живота еще живого Клавинго, не видел, как тот падает в реку, не видел, как крокодил, почуяв кровь, бросается вперед. Он не чувствовал гипнотического страха, который после убийства делает руки ватными.

– Закрой дверь, сынок, – первый раз подал голос водитель, – а то в машине действительно становится жарко.

Не сейчас. Не сейчас. Не сейчас. Марат убрал руку с кармана и подобрал ногу. Дверь автомобиля захлопнулась. Шум улицы исчез, осталось тонкое пение кондиционера.

– Мой отец послал тебя сюда? – спросил Марат.

– Я говорил твоему отцу о твоём существовании, и он попросил это уладить. Он не уточнял, как.

Марат попытался сообразить, о чем идет речь.

– Видишь ли, по законам нашей страны ребенок может требовать от своих родителей некоторых вещей. Если твой отец о тебе не заботится, его можно за это судить.

– Я хотел бы его увидеть, – сказал Марат.

– Он не хочет тебя видеть.

– То есть, ему на меня плевать. Он просто защищает себя.

Белый поморщился.

– Можно сказать и так.

– Как он выглядит?

– Ему сорок девять лет. Он гере. Ты можешь найти его фото в какой-нибудь старой газете.

Гере. Его отец – один из тех, кто смеялся над ним и бил его. Один из тех, кто научил его тому, что его мать – арабская шлюха.

– Повтори, как зовут твоего босса.

– Алассан Буаньи. Но ты не сможешь носить его фамилию. Ты будешь Марат Шудри-Буаньи.

Шудри-Буаньи – дурацкое второе имя. Марат подумал, что у его отца большой долг.

– Ты говорил, его можно судить за то, что он со мной сделал.

Ульрих криво усмехнулся.

– Ты ненавидишь его, я понимаю.

«Жирная розовощекая свинья. Я могу сделать так, что ты умрешь, харкая кровью на дорогую обивку салона твоего джипа. И твои глаза погаснут, как погасли глаза моей матери, когда я душил ее, как погасли глаза Клавинго, когда я повел нож вверх».

– Ты не понимаешь, – ответил Марат.

Белый на секунду замолчал.

– В любом случае, теперь уже поздно, – сказал он, – потому что мы тебя нашли. Если ты откажешься от помощи, это твое дело, а не наше. Твой отец не обязан встречаться с тобой лично.

– Мой отец очень богат? – Марат пытался представить, насколько богат человек, шестерка которого ездит на машине с кондиционером. В сто раз богаче доктора Анри. Хорошая одежда, еда, которая никогда не кончается. Большой двухэтажный дом, в котором не нужно сдавать комнаты, в котором все стекла на своем месте. Нет, это слишком мало.

– У него шестнадцать миллионов долларов, – сказал Ульрих. – Он очень богат.

– Это его автомобиль или твой?

Белый вскинул брови.

– Мой. Если ты хочешь посчитать его состояние в джипах, то ему хватит денег на три сотни таких, как этот. Может быть, больше.

– Ладно, – решил Марат. – Я хочу такую машину, новый двухэтажный дом, и, – он пошевелил пальцами босых ног, – дорогие ботинки.

Ульрих Юль Амане рассмеялся.

– Этот мальчик – своего рода дикарь, сэр, – заметил Фахид.

Марат смотрел на расплывшееся самодовольное лицо белого и чувствовал, как ненависть крадется в его душе вдоль границы здравого смысла. Я убью его за эти насмешки. Убью. Но не сейчас. Я заставлю его плакать. Эта улыбка была хуже улыбки Клавинго. Мальчишки смеялись над Маратом потому, что ненавидели его. Белый просто смеялся. Он думал, что Марат смешной сам по себе.

На их улице жила черная пьяница Титими. Когда Марат был совсем маленький, она дружила с Намон, и к ней относились почти так же почтительно, как и к старой ведьме. Но однажды

старухи поссорились, и Намон наслала на Титими безумие. Та ходила по улицам, падала в лужи, кричала, что она старая обезьяна. Она показывала прохожим свою сморщенную грудь и говорила, что раньше у нее было сосцов как у собаки, а потом они куда-то делись. Так продолжалось месяц, а потом она пропала. Весь этот месяц над ней смеялись. Смеялись не стесняясь, смеялись без злобы, прямо ей в лицо. Она тоже смеялась, пуская слюни на свою обвисшую плоть. Иногда ей помогали. Она брала у людей из рук фрукты и ела их, словно какая-то зверушка. Марат хорошо помнил, что чаще других ей помогали те, кто больше всего смеялся. Она стала маленьким бродячим цирком. Достопримечательностью их квартала.

Сейчас он смотрел в смеющееся лицо Ульриха и понимал, что он для него тоже что-то вроде диковинного уродца. Клавинго всегда знал, что Марат может ударить. Белый этого не знал. Он думал, что недосыаем, что Марат просто не посмеет на него напасть.

– Я рад, что ты готов принять идею нашего сотрудничества, – сказал Ульрих, – но боюсь, оно будет выглядеть немного иначе, чем ты сейчас себе представляешь.

Слишком витиеватая речь.

– Как? – спросил Марат.

– Мы дадим тебе образование.

– У меня есть образование.

– Какое?

– Я умею читать, писать и считать.

Ульрих издал неопределенный звук.

– Протестантская школа для бедных, сэр, – сказал Фахид. – Роберт уверял, что мальчик смысленный, но учится лениво.

– Хорошо, – крикнул белый. Он потянулся вверх, дернул за какой-то штырек, и вниз вывалилась небольшая панель с карманами. – А какие там еще были предметы?

– Священное писание, – ответил Марат.

– Мировая история? Другие языки? – Ульрих достал из кармана на потолке пачку бумаг и развернул ее у себя на коленях. – Ты читаешь и пишешь по-французски?

Марат не ответил. Ульрих снял с верха папки тройку сброшюрованных вместе листов гербовой бумаги и протянул ее Марату.

– Что это?

– Договор, который я могу предложить тебе от имени твоего отца.

Марат взял бумагу. Он испытал смутную растерянность от вида рядов этих черных печатных букв. Как книга.

– И что с этим делать?

– Прочитай. Если будешь согласен, подпиши. Если нет, уходи.

– Кроме этой бумаги, мой отец мне ничего не даст?

– Ничего. Но ты можешь получить все, что здесь написано.

Марат секунду смотрел в глаза Ульриха. Тот больше не лыбился. Подросток перевернул бумагу в руках.

– Ты не против, если мы прокатимся по городу, пока ты читаешь?

– Куда? – спросил Марат.

– Я хочу показать тебе колледж, где ты можешь учиться. Увидеть лучше, чем читать, ведь так?

– Но мне не нужно больше учиться. Я все знаю.

Белый рассмеялся.

– Никто не знает всего. Даже я.

Марат подумал, что никогда еще не катался на машине.

– Ладно, – согласился он, – поехали.

Джип мягко тронулся. Марат наблюдал, как толпа за окнами заскользила и исчезла из виду. Они ехали по самой богатой части Ямусукро. Здесь были многоэтажные дома. В пролетах между ними то и дело мелькал собор. Солнечный свет стальным бликом лежал на его куполе. Белый не прав. Нотр-Дам-де-ла-Пэ знает все. Беда в том, что он ничего не хочет.

Марат склонился над документом. Он знал, что взрослые читают молча, и старался не бормотать, но у него не всегда получалось. Он чувствовал насмешливое, снисходительное внимание трех мужчин: расслабленная рука Ульриха на сиденье, молчаливый затылок Фахида, редкие взгляды шофера.

– Если ты так плохо читаешь, тебе будет трудно в колледже, – предупредил белый.

Марат промолчал. Он уже понял главное: Алассан Буаньи был готов потратить примерно три тысячи долларов на его образование. Сумма, достаточная для того, что навсегда выкупить комнату у Роберта, да еще разжиться хорошим мотоциклом и автоматом Калашникова. Это не машина с кондиционером и не лакированные ботинки, но он бы в одночасье мог стать выше соседей по улице.

– Приехали, – сказал водитель.

– Маленький город, – заметил Фахид.

– Да уж, не Абиджан, – усмехнулся Ульрих.

– Сэр, я просто подумал, что он сможет от Роберта пешком ходить в колледж, – пояснил мусульманин. – Это удобно.

Марат посмотрел в окно. Геометрический узор решетчатого забора. За ним – здание старого колониального особняка. В тени классического портика толпятся белые подростки. Они курят и пьют газировку.

– Ну что? – спросил Ульрих.

– Почему мой отец не может просто отдать мне эти деньги? Я буду богатым.

Ульрих рассмеялся.

– Ты потратишь их за несколько месяцев, и на этом все кончится.

Марат пожал плечами. Спорить было бесполезно. Белый ничего не знал о его жизни.

За оградой девочки с распущенными волосами. Белая кожа, белые блузки. Они носят узкие брюки и разноцветные галстуки. Их бедра не такие широкие и зовущие, как у негритянок, зато у них маленькие руки и светлые беззащитные глаза. Мальчики улыбаются. У них узкие плечи и впалая грудь. Они двигаются неуверенно, как новорожденные щенки. Их ноги цепляются за ступеньки. Они прячут руки в карманах. Они курят сигареты, такие же белые, как и их уязвимая кожа. Марат отвернулся от окна и посмотрел на Ульриха.

– Какая моему отцу разница, как я проживу свою жизнь? Я могу есть на эти деньги десять лет и совсем ничего не делать. Может быть, я этого хочу?

– Разница в законах. Твой отец должен дать тебе возможность стать полноценным членом общества. И все.

– И чему там учат? – поинтересовался Марат.

– Ты будешь свободно читать и писать на английском, французском и африкаанс. Тебя научат географии, истории, физике. Множеству вещей. Ты будешь знать, как все устроено в этом мире, как работает человеческое тело и где страна Финляндия.

– Зачем?

– Ты сможешь потом получить второе образование и стать юристом, как я. У тебя будет такая же машина и куча других вещей. Ты сможешь стать военным. Сможешь уехать из Кот Д'Ивуара. Все, что захочешь.

Марат посмотрел в окно. Стекла джипа были затемненными. Белые подростки не видели, что на них смотрят. Одна парочка отошла от остальных. Марат смотрел, как руки белого юнца скользят по блузке девушки. Он был медлительным и неловким. Она, смеясь, откинула голову назад. Большие губы, чуть загорелая кожа. Француженка или марокканка. Марат видел всего несколько таких. Такие не ходили по улицам его квартала. Они выходили из машин в центре города, чтобы тут же оказаться за узорчатыми заборами. Они жили в безопасных клетках.

Ульрих пожал плечами.

– Подписывай или уходи.

– Мы можем подвезти тебя обратно к твоему кварталу, – предложил водитель.

Марат молчал и смотрел на целующую парочку. Каштановые волосы, рассыпавшиеся по плечам. Глупая улыбка на его лице. Белые такие слабые. Подросток почувствовал эрекцию. Она случалась не первый раз в его жизни, но это все еще было новое ощущение. Марат мельком посмотрел на свои шорты. Ульрих ничего не замечал.

– Если ты ничего не скажешь, я попрошу Фахида высадить тебя из машины.

Марат подумал, что хочет иметь право войти за этот забор. Он хотел знать, как пахнет одежда этих слабых детей, хотел видеть, как они опускают глаза, встретив его темный взгляд.

– Фахид, – сказал белый.

Мусульманин начал открывать свою дверь.

– Я согласен, – сказал Марат.

– Было бы о чем думать, – раздраженно сказал Ульрих.

Он вытащил из кармана толстую золотую ручку, щелкнул ей и протянул Марату. Тот повертел вещицу в руках.

– В конце, – подсказал белый.

Марат перелистнул документ на последнюю страницу, нашел свободную графу и расписался. До этого он подписывал только свои письменные работы в школе.

– Что теперь будет?

Ульрих недоверчиво посмотрел на его каракули, потом поставил рядом свой витиеватый росчерк.

– Надеюсь, у тебя постоянная подпись.

– Да.

– Хорошо. Дальше мы зайдем в колледж и оговорим условия, на которых тебя туда могут взять.

Ульрих и Фахид вышли из машины. Марат попытался открыть свою дверь, но в ней был какой-то фокус. На долю секунды к нему пришла паника. Вот сейчас его и убьют, прямо посреди роскошной улицы центрального города. И никто не увидит расправу сквозь эти темные стекла.

– Помоги ему, – приказал белый. Слуга снаружи открыл дверь Марата. Он улыбнулся одними уголками губ. Марату стало не по себе. «Он знает, – прокаркала Намон, – знает, что ты маленький волчонок с ножом в кармане, знает твою ненависть и страх». Он выбрался на улицу. Теплый асфальт под босыми ногами. Его вдруг обжег взгляд белой девочки. Между ними было всего несколько метров и решетка. Француженка рассмеялась.

– Марти, смотри, кажется, эту обезьянку ведут сюда.

Неловкий юнец оглянулся. Он был черноволосый, кудрявый, с немного вздернутым носом и тонкими чертами лица. В уголках его губ отразилась брезгливость.

– Доктор Сангаре представит нам картину развития человека.

– Поуважительней! – гаркнул Ульрих.

– Пойдем, – позвала белая. Марти перестал пялиться на босые ноги Марата. Двое школьников повернулись и, держась за руки, зашагали к крыльцу. Зато теперь на прибывших смотрели все курильщики.

– Засранцы, – громко сказал адвокат. Он взглянул на Марата. Араб-полукровка стоял, слегка наклонив голову. Он подумал, что запомнит этого белого мальчика. Фахид попытался положить руку Марату на плечо, но подросток увернулся. Они пошли вдоль забора под расстрелом светлоглазых взглядов.

На узкой проходной дежурил ооновский солдат. Белая кожа, зеленый берет, внимательные голубые глаза. Комнатка была перекрыта рамой миноискателя. Фахид ссыпал из кармана горсть мелочи и первый прошел под турникетом.

– У тебя есть большие металлические предметы? – спросил солдат.

– Какая разница?

– Если есть, покажи их мне.

Марат посмотрел на металлическую конструкцию. В ней мигал крошечный красный глаз. Ульрих выложил на полочку рядом с рамкой свою ручку и маленькую связку ключей.

– У меня ничего нет, – заверил Марат.

– Хорошо.

Марат перешагнул стальной порог и вздрогнул. Красный глаз над ним запел как автомобильная сирена. Солдат нажал кнопку на стене, и звук смолк.

– Давай попробуем еще раз.

Марату стало не по себе. Он убил Клавинго в дождливый день. До убийства он представлял, что вымоет нож прямо в реке, но когда челюсти крокодила сомкнулись на груди мертвого врага, все стало другим. Клавинго ушел под воду, а Марат побежал. Он до сих пор помнил, как отмывал нож в луже на дороге. Кровь красила воду. Вдруг там что-то осталось?

Марат шагнул вперед, и глаз снова пискнул. Подросток отступил.

– Просто покажи ему свои металлические вещи, – сказал Ульрих. – Это формальность. Тебе их вернут.

Рука Марата замерла над карманом. Еще можно убежать. Нож был из белого сверкающего металла. Марат помнил его чистую поверхность. Он знал ее наизусть. Он умел одним движением выхватывать его из кармана. Там ничего не осталось. Они ничего не заметят.

– У тебя не просто вещь? – негромко сказал Фахид.

Марат посмотрел на мусульманина. Все та же улыбка в уголках губ. Он вдруг понял, что у него ничего бы не получилось. Фахид ждал удара в шею. Он специально сел вперед.

– У него оружие? – спросил солдат.

– Точно я не знаю, – ответил Фахид.

Марат залез рукой в карман и выложил на полочку сложенный нож.

– Бабочка, – присвистнул ооновец. Было мгновение, когда его лицо напряглось, будто он ждал чего-то худшего.

Марат прошел через рамку и протянул руку к ножу.

– Нет, – сказал солдат. – Внутри колледжа такие вещи запрещены.

– Мне его вернут? – почти спокойно спросил Марат.

– Да, когда пойдешь назад. Но больше не приноси его сюда. Это серьезная штука.

– Это всего лишь перочинный ножик, – возмутился Ульрих.

Солдат посмотрел на Марата и уклончиво качнул головой. Подросток отвел глаза. Они вошли во двор.

– Это не перочинный нож, сэр, – заметил Фахид. – Это раскладной нож. Им пользуются уличные убийцы.

Ульрих пожал плечами.

– Все мальчишки похожи.

Мусульманин не стал возражать. Они поднялись на крыльцо. Там было тихо. Марти исчез. Все остальные не спешили выразить свое мнение. Подростки отступали и опускали глаза. Марату казалось, что все они смотрят на его босые ноги.

Двери колледжа были старые, массивные, двустворчатые. Фахид предупредительно распахнул их перед Ульрихом. Марат прошел вслед за адвокатом. В холле работал мощный кондиционер, пол был каменный, и у него сразу замерзли ноги. Все здесь было тяжелым, гладким, вечным. Высокий потолок. Колонны. Черный стол консьержки с белым телефоном на нем. Почти такой же был в кабинете доктора Анри. Три коридора: два уходят в стороны, один – вперед, и в его конце видно длинную галерею с широкими окнами. На стене – картины. На подоконниках – портфели. Рядом с ними одиноко стоит девушка Марти. Марат поймал ее взгляд, и она резко отвернулась.

Ульрих сказал что-то консьержке. Женщина сняла трубку с телефона. Она была темнокожая, но в костюме и с ухоженными блестящими волосами, как у белых девушек.

Марат рассматривал архитектуру. Над тем коридором, который шел прямо, была лестница в два марша. Ступени из мрамора. Золотые амурсы над перилами.

– Марат, – позвал Ульрих. Они пошли направо. Здесь тоже были широкие окна. Марат увидел улицу и желтый джип за оградой. Коридор кончился серией комнат. Марат почувствовал под ногами ковер.

Еще одна девушка за столом. Очень красивая тридцатилетняя мулатка в голубой блузке. Марат понял, что ее смутил его взгляд. Ему это понравилось.

– Господин Сангаре ждет вас, – сказала она. – Большая дверь налево.

– Спасибо, – поблагодарил Ульрих. Фахид открыл дверь, и они зашли в кабинет.

Сначала Марат увидел книги. Их было много. Они стояли вдоль стен от пола и до потолка. Сам директор сидел за большим столом, спиной к окну.

– Welcome, – сухо улыбнулся он.

– Hi, – на американский манер ответил Ульрих и тут же снова перешел на французский. – Мальчик совсем не говорит по-английски.

– Это не страшно, – ответил директор. У него было непроницаемое лицо с правильными чертами. Он привстал навстречу Ульриху, и они через стол поздоровались за руку.

В кабинете было два кресла для гостей.

– Садись, – сказал Фахид Марату. Он официально кивнул, вышел и закрыл дверь. Марат сел. Директор впервые посмотрел на него. Серые глаза, как у той девушки во дворе.

– Мое имя Ульрих Юль Амане. Я представляю интересы Алассана Буаньи.

– Очень приятно, что Алассан Буаньи выбрал наш колледж. Мое имя Вы, вероятно, уже знаете.

– Да, господин Сангаре. У нас есть возможность подписать контракт на три тысячи долларов.

– Как зовут мальчика?

– Я Марат, – ответил подросток.

– Марат Шудри-Буаньи, – поправил Ульрих.

– Вы должны понимать, что политика колледжа допускает отчисление учеников. Контракт может быть расторгнут в случае, если он не сможет пройти аттестацию.

– Это будет его выбором.

– Незаконнорожденный сын.

– Да.

Белые мужчины встретились взглядами.

– И сирота по матери, без опеки.

– Вы правы.

– Значит, я верно понимаю ситуацию, – кивнул Сангаре. Он с интересом посмотрел на босые ноги Марата. Тот сидел и поджимал пальцы. – У тебя есть хоть какое-то образование?

– Я учусь в школе, – сказал Марат.

– Там четыре предмета. Два французских, начальная математика и божье слово.

– Господин Юль Амане, Вы бы не могли оставить нас вдвоем?

– Я бы хотел как можно быстрее подписать все бумаги, – сказал Ульрих, но склонил голову и вышел.

Марат понял, что в комнате очень тихо. Директор полистал договор, потом посмотрел прямо на подростка.

– С кем ты живешь?

– Один.

– Работает?

– Я много чего делаю.

Сангаре не засмеялся.

– Ты здоров?

Марат пожал плечами.

– В основном я имею в виду СПИД.

– У меня его нет.

– Откуда ты знаешь?

– Сначала появляется саркома Капоши.

– Хорошо. Ты не глуп.

Марат молчал.

– Ты действительно хочешь здесь учиться?

– Я ведь ничего не теряю.

– Так хочешь или не хочешь?

– Хочу.

– Почему?

– Здесь все белые.

– Не все. Примерно три четверти. Каким ты хочешь быть через пять лет?

– Сильным, – не задумываясь, сказал Марат.

Сангаре встал, подошел к книжным полкам, провел пальцем по корешкам и вытащил книгу. Только сейчас стало видно, какой это высокий человек. Развитые плечи. Он мог бы быть солдатом. Прочитав книгу, он обошел стол и протянул ее Марату.

– Отсюда, – сказал он.

Буквы были большие. Марат решил, что ему будет не сложно. Даже проще, чем читать библию в бывшей школе.

– «Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело – понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку?»

Марат перевел дух. Читал он сбивчиво.

– «Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом?»

Страница кончилась. Подросток посмотрел на директора. Сангаре жестом предложил перевернуть страницу.

– «А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет и съест его, и даже не будет знать, что он натворил? И это все, по-твоему, не важно?»

– Достаточно.

Марат остановился и вернул книгу в большие руки директора.

– Что ты об этом думаешь?

Марат пожал плечами.

– Ты выглядишь как человек, который решил, что ему можно все, – сказал Сангаре, – потому что в мире есть только одна сторона.

Марат молчал. Он чувствовал в этих словах странную пустоту. Для него они мало чем отличались от непонятого оскорбления Марти. Но Марти приводил его в ярость, а Сангаре вызывал смутный страх. Он знал что-то, как знала что-то колдунья Намон.

– Ты не сможешь учиться со своими сверстниками. Я отправлю тебя к ребятам на год младше, и даже среди них тебе будет очень тяжело. Они выросли в совсем других семьях. Они все свободно читают на трех языках. Есть вероятность, что тебя не примут. Тебя это не пугает?

Марат качнул головой.

– Я верю, что у тебя нет саркомы Капоши, но тебе все равно придется пройти обследование, иначе будут нервничать родители других детей. Понимаешь?

– Да, – это Марат понимал.

– У тебя возьмут кровь из вены.

– Я знаю, – кивнул Марат. Доктор Анри уже делал это, когда приходил лечить Камилу. Сангаре вырвал страницу из крошечного блокнота на столе и что-то в нее написал.

– Я возьму тебя в мой колледж.

Марат кивнул. Директор протянул ему бумажку.

– В таких случаях говорят «спасибо». Листок отдай моему секретарю.

– Мулатка? – уточнил Марат.

Секунду мужчина странно смотрел на него.

– Да.

Марат вышел из кабинета.

Фахид и Ульрих сидели в креслах для посетителей. Марат встретил их взгляды, ненадолго замялся, потом отдал записку женщине. Он почувствовал солнечное тепло ее кожи.

– Господин Юль Амане, – сказала она, – господин Сангаре просит Вас вернуться в кабинет.

Ульрих встал.

– Господин Шудри-Буаньи, идите за мной, – голубая блузка легко выскользнула из-за стола и зашепила вдоль по коридору.

Марат не сразу понял, что она обращалась к нему. Сначала его растерянный взгляд уперся в Фахида, и только потом он догадался, что Буаньи – это теперь его собственное второе имя. Мусульманин продолжал улыбаться уголками губ.

Марат догнал женщину. Она не оглядывалась на него и ничего не говорила. Они прошли холодный пустынный холл и свернули в центральное крыло здания. На окне по-прежнему лежали портфели, но девушка исчезла. Зато появился Марти. Он сидел на подоконнике и с тремя одноклассниками ел гранат. Подростки выковыривали крупные косточки и бросали их в мятый кулек из тетрадного листа.

– Для этого есть столовая, – по-французски сказала им мулатка.

– Мы не сорим, – ответил ей высокий худосочный блондин. Он перевел взгляд с женщины на Марата и глупо ухмыльнулся. Марат прошел мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.